
М. И. СИГАЧЁВ, Э. С. СЛЕПЦОВ

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ
И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ:
ДИСФУНКЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ)**

В статье проведен анализ причин нарастания кризисных явлений во взаимоотношениях Европейского союза и национальных государств Европы, таких как Германия и Италия. Европа находится на пороге существенной трансформации. В европейских национальных государствах набирают вес политические движения, готовые для сохранения национального суверенитета на многое, вплоть до выхода из европейской конфедерации. В своих выступлениях лидеры евроскептических политических партий национальных государств Европы настаивают не на сохранении суверенитета Евросоюза в рамках концепции стратегической автономии, а на суверенном праве на независимость каждой отдельной европейской страны. Рост радикальных устремлений популистских политических партий национальных государств к выходу из ЕС и другие существенные претензии новых политических сил в национальных государствах Европы анализируются в данной статье. На итальянском и немецком материале проведен сравнительный политический анализ причин формирования явления евроскептицизма, построенного на «новом» национализме и популизме, в основе которого лежит стремление к ресуверенизации национального государства.

Ключевые слова: Италия, ФРГ, Европейский союз, евроскептицизм, популизм, «Лига», «Движение пяти звезд», «Альтернатива для Германии», «Левые», «Зеленые».

Угроза суверенитету государства вестфальского типа в Европе в последние годы существенно возросла, что проявляется не только в сфере миграционной политики, но и, к примеру, в бюджетно-финансовой сфере. Фактически в Европейском союзе к настоящему моменту сформировалось два видения объединенной Европы и суверенитета составляющих ее государств. Первое подразумевает взгляд

на Европу как на союз суверенных государств, об этом, в частности, неоднократно говорил президент Польши А. Дуда. Второе, напротив, означает усиление общеевропейского суверенитета и озвучивается, в частности, президентом Франции Э. Макроном, а также сторонниками концепции стратегической автономии Европы.

Вопрос суверенитета стоит тем более остро, чем сильнее противоречия внутри национальных государств Европы. Не только Италия представляет собой «глубоко разделенное общество», но и Германия: определенный успех левых и правых популистов в этой стране на прошедших выборах в Европарламент, по сути, может служить симптомом нарастающего раскола в немецкой политической системе. Как левые, так и правые фактически ведут политический диалог на разных языках, и в ближайшем будущем не следует ожидать достижения согласия между ними. Так, леволиберальные популисты стремятся увеличить приток иммигрантов всеми способами для увеличения своей электоральной базы, вместе с тем правые популисты, напротив, выступают за ограничение такого притока. На данный момент наиболее острые политические противоречия характеризуют скорее страны Южной и Центрально-Восточной Европы – условной периферии Евросоюза, тем не менее и в государствах Западной и Северной Европы, таких как Германия, формируются критически значимые размежевания, которые в ближайшей перспективе будут только нарастать.

Сопоставление двух стран, входящих в историческое ядро Евросоюза: представителя Южной Европы, длительное время пребывающей в кризисном состоянии Италии, и Германии, «локомотива европейской экономики», представителя ее всегда эффективного Северо-Запада, – открывает, по мнению авторов, возможности наиболее глубокого проникновения в существо текущего кризиса евроинтеграционного проекта.

Итальянский евроскептицизм: его предпосылки и основные претензии

На рубеже XX–XXI вв. перед национальным государством в Италии встал целый ряд острых вызовов. К проблемам и слабостям этой страны можно отнести сложную экономическую ситуацию, острый миграционный и долговой кризисы, равно как и де-

факты политической системы, выражающиеся в неоправданно частой смене правительств после Второй мировой войны и вплоть до настоящего времени. Новое тысячелетие для Европы началось с финансовых проблем, которые затронули множество европейских стран. Сила финансового кризиса поразила и итальянскую экономику, некогда третью по значимости в еврозоне. Как отмечал Р. Костюк, поражение итальянской экономики в 2010-е гг. не было неожиданным явлением: «Введение евро привело к тому, что итальянская продукция подорожала... стала менее конкурентоспособной на европейском рынке» (Костюк 2012). Оздоровление национальной экономики итальянские власти решили провести за счет сокращения бюджетных расходов, увеличения на 2 % налога на добавленную стоимость, отказа от индексирования размера пенсий, а также увеличения пенсионного возраста. Итальянские граждане восприняли такие нововведения политической элиты крайне неодобрительно, как следствие, начались забастовки, возникло массовое недоверие к властям.

Стоит отметить, что остроту экономической ситуации придал еще один спор, который не умолкал несколько десятилетий. Этот спор связан с реформированием конституции. «Первые дебаты о внесении поправок в Конституцию зазвучали в начале 1980-х гг. С 1948 г. и до настоящего времени итальянская конституция правилась 15 раз – в среднем вносились изменения в одну-три статьи за раз» (Pasquino, Valbruzzi 2017: 2). Вопрос об изменении конституции вновь подняли в 2016 г. Самую масштабную за всю историю страны конституционную реформу предпринял Маттео Ренци. Как отмечала Е. Маслова, «по замыслу реформы, правительство функционировало бы на основе полученного вотума доверия исключительно от членов Палаты Депутатов, но не Сената. Сенат лишился права вето, а правительство становилось подконтрольно только Палате Депутатов» (Маслова 2017: 63) По расчету Ренци, реформа повысила бы управляемость, наделила бы региональные структуры большим правом голоса. Несмотря на интерес к конституционному референдуму (явка составила 65,5 %), итальянский народ конституционные изменения не поддержал.

Маттео Ренци был вынужден подать в отставку после того, как почти 60 % избирателей проголосовали на референдуме против

предложенного им проекта конституционной реформы. Итальянцы тем самым выразили свое недовольство не только конкретным проектом, но и всем неолиберально-реформистским курсом Ренци, направленным на проведение структурных реформ в духе отстаиваемой Европейским союзом политики жесткой бюджетной экономии.

Провал референдума М. Ренци, по мнению Е. Масловой, был связан с тем, что «на голосование было поставлено слишком много вопросов (самый масштабный проект реформирования Конституции, внесение поправок в 47 статей из 139)» (Маслова 2017: 64). Усилило провал «ренцизма» то, что Ренци пришел к власти в результате внутрипартийного переворота, минуя парламентские выборы, а это только усилило недоверие граждан.

Как отмечает К. Холодковский, «исход референдума был, вероятно, не самым заметным. Тем не менее он может иметь серьезные последствия как для самой страны, так и, возможно, для всего Европейского союза» (Холодковский 2017: 41). Из этого следует, что вопрос реформирования республиканских институтов для Италии по-прежнему актуален. Не случайно за последние годы социально-политического кризиса в итальянском обществе неоднократно поднимался вопрос о трансформации Второй республики, сформированной по результатам коррупционного скандала в начале 1990-х гг., в Третью республику.

На фоне этих кризисов у части представителей итальянского общества сложилось ощущение, что другие европейские страны и итальянская политическая элита бросили их на произвол судьбы, предоставив в одиночку бороться со всеми политическими, социальными и экономическими проблемами. Это послужило благоприятной почвой для выдвижения на первый план протестных антисистемных партий, которые построили свою избирательную кампанию на критике действующей власти. «Если по итогам выборов в Европарламент в 2009 г. евроскептики как левого, так и правого толка набрали около 20 % голосов, то в 2014 г. они заняли уже треть всех кресел» (Шибкова 2018: 3). В свою очередь, на последних по времени выборах в Европарламент в мае 2019 г. популисты еще больше укрепили свои позиции: так, в Италии находящаяся у власти евроскептическая «Лига» Маттео Сальвини одержала безоговорочную победу, заручившись поддержкой 34,3 % голосов итальянцев.

Стоит отметить, что такое понятие, как евроскептицизм, вошло в официальный дискурс как раз после выборов в Европейский парламент 2014 г., а партии, которые допускали критику действующей политической системы Италии, назывались популистскими. При этом за последние несколько лет в стране заметно укрепились евроскептические настроения. Объяснимы они тем, что уровень доверия итальянцев к европейским институтам постепенно падал. На недовольстве населения сыграли такие партии, как «Левые – Экология – Свобода», «Братья Италии – Национальный альянс», «Лига Севера» (переименованная в «Лигу»), «Движение пяти звезд». Партийному евроскептицизму удалось «вызвать у итальянского народа еще больший антагонизм по отношению к европейским институтам» (Lucarelli 2015: 56).

Что касается европейских коммунистических и левых партий, также претендующих на антисистемность, то они трансформировались еще при распаде биполярной системы. Так, Итальянская коммунистическая партия раскололась на Демократическую партию левых сил и более радикальную Партию коммунистического возрождения. Если говорить о внутреннем расколе Демократической партии, то он произошел в результате конституционной реформы. Важно отметить, что Демократическая партия является прямой наследницей Итальянской коммунистической партии и первоначально носила название Демократической партии левых сил, поэтому неудивительно, что возникла внутренняя оппозиция «ренцизму» в рядах самих демократов. Однако «левые силы Италии переживают в последние годы глубокий кризис» (Любин 2006: 85), поэтому наиболее последовательными оппонентами М. Ренци выступили две внешние силы, не относящиеся к левым. Во-первых, это национал-популистская (правопопулистская) и евроскептическая «Лига Севера», эволюционировавшая под руководством Маттео Сальвини от регионализма в сторону правого национализма, и во-вторых, – социал-популистское или левопопулистское «Движение пяти звезд», представляющее собой нечто среднее между протестным антисистемным движением и партией. Обе эти силы объединяла критическая позиция по отношению к политике Европейского союза, проводником которой они считали правительство Демократической партии во главе с М. Ренци. Так, представители

«Движения пяти звезд» высказывались за выход Италии из Шенгенской зоны и за отказ от евро в пользу лиры (Холодковский 2017: 43).

Представляется важным остановиться подробнее на процессе трансформации «Лиги Севера», завершившемся ее превращением в подлинно национально-суверенистскую партию. Итальянские исследователи отмечают: несмотря на то, что в течение долгого времени «Лигу Севера» определяли как регионалистскую популистскую партию, с тех пор как ее лидером в 2013 г. стал Маттео Сальвини, она претерпела процесс глубокой идеологической трансформации. Благодаря персональному стилю лидерства Сальвини регионализм был заменен национал-популизмом, а вопросы социально-экономического размежевания между итальянским Севером и Югом отошли на второй план партийной повестки. В то же время популизм продолжил занимать центральное место в стратегической коммуникации партии, однако роль «врага народа» теперь стал играть Евросоюз, тогда как раньше им был столичный Рим (Albertazzi *et al.* 2018: 645).

Будучи основанной Умберто Босси в 1991 г., «Лига Севера» является старейшей партией Второй республики. При У. Босси партия имела наибольший успех на выборах 1996 г., получив 10,1 % голосов, но именно М. Сальвини сумел добиться наивысшего результата, заручившись поддержкой 17 % избирателей на выборах в марте 2018 г. При нем «Лига» усилила свои позиции не только на Севере, но и в центральных регионах Италии, раньше являвшихся вотчиной левых, и даже сумела закрепиться на Юге – «запретной территории» для «Лиги Севера» времен У. Босси. К моменту прихода к власти в общенациональном масштабе партия Сальвини уже обладала солидным опытом руководства, успев принять участие в управлении такими регионами, как Ломбардия, Пьемонт и Венето. Более того, «лигисты» уже при Босси являлись участниками национальных правительств. Таким образом, сформировав в мае 2018 г. коалиционное правительство, «Лига» после долгого перерыва в пятый раз оказалась у власти (*Ibid.*: 646).

«Эра Босси» закончилась в апреле 2012 г., когда отец-основатель «Лиги Севера» был вынужден покинуть свой пост в результате скандала. Далее последовал короткий период «междоуцарствия», завершившийся избранием М. Сальвини в качестве партийного ли-

дера в декабре 2013 г. Таким образом, если в эпоху Босси партия придерживалась позиции регионалистского популизма, то с приходом Сальвини она стала дрейфовать в сторону националистического популизма.

Другой участник коалиционного правительства – «Движение пяти звезд» (Д5З) – имеет мало общего с «Лигой» и, в отличие от «лигистов», не относится к правым популистам. Вместе с тем характеристика движения как левопопулистского тоже представляется не вполне точной, поскольку «стремительный рост поддержки новой партии обусловлен ее особым расположением на политическом спектре: между левыми и правыми, между севером и югом» (Шибкова 2016: 16). Для многих новых социальных движений протестного типа характерно позиционирование себя вне рамок правого политического спектра, поскольку в завершенной форме популизма сливаются воедино правые и левые черты. Представляется, что «Движение пяти звезд» в гораздо большей степени воплощает в себе последовательный чистый популизм, нежели это характерно для «Лиги». Прежде всего это проявляется в том, что центральной идеей Д5З является прямая демократия. Попытка реализации этой идеи в форме электронной демократии достаточно сильно выделяет его на фоне традиционных политических партий, в том числе и антисистемного толка. Другие принципы «Движения», такие как экологизм (энвайронментализм) и евроскептицизм, могут сближать его с левыми или правыми, но именно приверженность прямому народовластию, минуя уровень посредников в лице партийных представителей, определяет его уникальное лицо.

Вместе с тем «можно отметить, что программные положения Движения сходны с установками левых радикальных и экологических “альтернативных” движений конца XX в., однако существенным отличием Движения от предшественников является прямая ориентация на использование сети Интернет для привлечения сторонников. Экология, Интернет, социальные отношения – темы, принесшие успех Движению пяти звезд и превратившие его в настоящую оппозицию правящей элите в современной политической системе Италии» (Нестеров, Джаяни 2016: 300). В конечном счете ответ на вопрос о том, является ли «Движение пяти звезд» левопопулистской силой или же носителем чистого популизма за рамками

право-левого политического спектра, зависит от того, какое содержание вкладывается в понятия «правые» и «левые» применительно к политическим партиям, являющимся многозначными и сложно-составными.

Если обратиться к изначальным историческим смыслам, восходящим ко временам Великой французской революции, то под правыми следует понимать носителей монархическо-аристократического принципа, тогда как под левыми – республиканско-демократического. К примеру, в России начала XX в. именно так понимал эти термины Иоанн Кронштадтский: «Правые стоят за монархию, левые за конституцию» (цит. по: Платонов 2008: 413). Однако данная трактовка, по всей видимости, малоприменима к современной итальянской ситуации. Согласно другой интерпретации, под правыми следует понимать национально ориентированные силы, а под левыми – социально ориентированные. В соответствии с этой интерпретацией, действительно, «Движение пяти звезд» представляет собой скорее левых популистов, тогда как «Лига» – правых, делающих акцент на вызовах и угрозах национальной безопасности. В наиболее широком, общеисторическом смысле правыми являются сторонники традиции (в случае с «Лигой» речь идет о традиции европейского национального государства), тогда как левыми – сторонники революции. Выдвигаемая коллегами «лигистов» по коалиционному правительству из ДСЗ идея прямой электронной демократии действительно является в определенной степени революционной по отношению к классической представительной демократии, что также придает популизму «Движения» определенный левый уклон.

В международно-европейском контексте «Движение пяти звезд» представляет собой разновидность южноевропейского популизма, к которому также относится, к примеру, движение «Подemos» в Испании, равно как и аналогичные общественно-политические силы в Португалии и Греции. Отличительной чертой южноевропейских обществ, в которых возник данный тип популизма, является то, что все они стали жертвами кризиса еврозоны и драконовских мер бюджетной экономии (Salgado, Stavrakakis 2019: 1).

Важно принять во внимание и еще один аспект конфликта национальных и общеевропейских интересов. Как отмечает французский исследователь Жак Сапир, дебаты по вопросу итальянско-

го бюджета в конце 2018 г. поставили вопрос о суверенитете национального государства, то есть о том, в какой степени Италия остается суверенной нацией (Сапир 2019: 61). Ключевое противоречие заключается в нерешенности фундаментального вопроса о том, должно ли быть правление от имени народа или в соответствии с установленными правилами. В конфликте вокруг итальянского бюджета определились две противоборствующие силы: с одной стороны, демократически избранное национальное правительство, а с другой, – Еврокомиссия, чье право на установление правил основывается на заключенных договорах. Данное противоречие выходит далеко за рамки Италии и затрагивает национальные государства Европы как таковые. Именно этим обусловлен тот факт, что новое итальянское правительство популистов-евроскептиков во главе с Дж. Конте поддержали все суверенистски ориентированные силы, признающие защиту национально-государственного суверенитета в качестве базиса внутренней и внешней политики. К примеру, во Франции такую поддержку оказала как тяготеющая к левым антибуржуазным силам социально-популистская партия «Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшона, так и примыкающее к правому буржуазному национализму национально-популистское «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт») М. Ле Пен.

При этом важная особенность южноевропейского популизма заключается в более сильном левом уклоне: в Южной Европе левопопулистские силы пользуются значительной поддержкой со стороны избирателей (Salgado, Stavrakakis 2019: 5). Аналогичным образом североευропейский популизм характеризуется скорее правым уклоном, присущим немецкой «Альтернативе для Германии». Еще одна значимая черта южноевропейских популистов проявляется в преимущественно антигерманской направленности их евроскептицизма. Так, испанский «Подemos» и греческая СИРИЗА создавали образ Германии как ведущей страны, ответственной за принятие решений в Европейском союзе, чьи интересы при этом расходятся с интересами большинства других европейских стран (*Ibid.*: 7). В связи с антигерманской направленностью южноевропейских популистов представляется целесообразным рассмотреть взгляды немецких популистов, представляющих страну, которая

многими евроскептиками из Южной Европы воспринимается в качестве виновницы европейского системного кризиса.

Трансформация политических сил в Германии: причины и следствия

Как отмечает Е. П. Тимошенко (2015: 461), немецкая партийная политика стала стремительно меняться с 2005 г. Это проявилось в том, что впервые возникла «большая коалиция» ХДС/ХСС и СДПГ. Предпосылкой ее формирования стало фактическое поражение на досрочных выборах в бундестаг партии Г. Шрёдера из-за предпринятых до этого неолиберальных реформ коалиционного правительства СДПГ и «Зеленых». Эти реформы были, в свою очередь, следствием кризиса ордолиберальной модели экономики Германии. Выборы 2005 г. показали вместе с тем несостоятельность прежней, консервативно-христианской модели ХДС/ХСС, имевшей важное значение в политике ФРГ до 1989 г. и сыгравшей особую роль при объединении ФРГ и ГДР, а также обеспечившей политический процесс на протяжении всего периода экономического включения территории бывшей ГДР в состав ФРГ. Можно также отметить, что впоследствии жители бывшей Восточной Германии оказались разочарованы в ценностях ХДС, под флагом которого и происходило объединение.

Еще одним важным элементом перемены политического ландшафта является то, что ХДС/ХСС были партиями католиков. ХСС имела значительную поддержку в Баварии, тогда как ХДС – аналогичную поддержку в католическом Баден-Вюртемберге. СДПГ же имела поддержку в основном в индустриальных районах Рура и Гамбурга. Земли Восточной Германии были населены преимущественно протестантами, но при этом на данных землях в основном голосовали за ХДС. Разрушение политико-католической идентичности ХДС началось в начале 2000-х гг., когда бывший канцлер ФРГ Гельмут Коль стал активно патронировать дочь пастора Ангелу Меркель. ХДС начиная с 2000-х гг. пыталась быть общенемецкой партией, уходя таким образом от образа католической партии.

Серьезным фактором, приведшим к разбалансировке политической системы Германии, является «левый поворот» ХДС. После создания коалиции в 2005 г. партия обратилась к электорату СДПГ

с новой социальной программой, включавшей в себя социальные гарантии для работающих немцев (Тимошенкова 2009). Также следует отметить, что, привлекая на свою сторону голоса иммигрантов, ХДС стала проводить политику облегчения получения легального статуса в Германии для этих групп населения.

ХДС и СДПГ поддерживали европейскую интеграцию исходя из своих устоявшихся идеологических установок. Корни идей ХДС многообразны: некоторые из них даже находятся в плоскости христианско-демократического переосмысления движения консервативных революционеров. В качестве примера можно упомянуть работу Эрнста Юнгера «Der Friede...» (Junger 1945). Еврооптимизм классической ХДС произрастал из концепции создания единой христианской Европы, противостоящей «безбожному» СССР. В то же время как минимум за последние два десятилетия XXI в. ХДС претерпел значительную постконсервативную и постхристианскую трансформацию, все больше сдвигаясь в сторону чистого неолиберализма. СДПГ же в своей идеологической основе имела идеи Франкфуртской школы социальных исследований, связанные с построением межкультурного и равноправного диалога и, таким образом, созданием единого пространства диалога.

Малоизученным на настоящий момент фактором политического пейзажа Германии является то, что философско-политические платформы как СДПГ, так и ХДС претерпели сильнейшую эрозию, тем самым сблизившись до степени неразличимости. А. В. Михайловский (2018) отмечает, что в Германии фактически перестали рождаться христианско-демократические концепты, связанные с герменевтико-феноменологической философией (которая являлась философской базой ХДС), тогда как основная область деятельности связана с аналитической философией. Идеиная повестка СДПГ начала складываться из приверженности левому либерализму и стремления заимствовать повестки таких левопопулистских партий, как «Зеленые», «Die Linke» («Левые») и Пиратская партия, связанных с энвайронментализмом, феминизмом, легализацией наркотиков и уходом от понятий авторского права. Тем самым СДПГ постепенно размывала свое постоянное электоральное ядро, но так и не смогла завоевать голоса молодежи.

На фоне роста недовольства политикой ХДС и разочарования в методах европейской интеграции, усилившихся в связи с греческим кризисом, в феврале 2013 г. возникла новая партия из бывших членов ХДС – «Альтернатива для Германии» (АдГ). Примечательно, что кризисные события в относящейся к Южной Европе Греции не только привели к усилению собственно южноевропейского популизма в лице греческой партии СИРИЗА, но и способствовали появлению новой евроскептической силы в составляющей ядро ЕС Германии. Данная партия первоначально построила свою партийную идентичность на основе критики евро и еврозоны посредством преобразования движения «Альтернативный выбор 2013» в партию. По аналогии с юноевропейским популизмом, характерным для таких стран, как Италия, Испания, Португалия и Греция, применительно к АдГ можно говорить о североευропейском популизме, преимущественно германоцентричном.

Германоцентричность североευропейского популизма выразилась, в частности, в протестах против предоставления Германией финансовой помощи таким юноевропейским странам, как Греция, оказавшимся под ударом разразившегося в еврозоне долгового кризиса. На первом этапе существования АдГ лидером партии стал профессор Гамбургского университета Бернд Лукке, который, подобно основателю «Движения пяти звезд» Беппе Грилло, заявлял, что «Альтернатива для Германии» «свободна от идеологических оков, не придерживается ни правой, ни левой ориентации, а представляет собой “партию нового типа”, которая сможет предложить избирателю не только новую политическую повестку дня, но и новые формы партийной организации, при которой будет услышан каждый член партии» (цит. по: Степанов 2017: 230). Партия выступала с позиций восстановления валютного суверенитета ФРГ, допуская выход страны из еврозоны, отказ от евро и возврат к национальной валюте – немецкой марке. Требуя ресуверенизации национального государства в сфере финансово-экономической политики, партия набирала популярность среди немецких избирателей в условиях охватившего еврозону долгового кризиса (Филина 2016: 148). Таким образом, ранняя АдГ по своей риторике представляла собой партию не столько антииммигрантских, сколько «антиеврозоновских» евроскептиков.

Лидерами АдГ отрицается «леволиберальный поворот» ХДС. Тем самым фактически АдГ в определенной степени встала на политические позиции «старой» ХДС времен Г. Коля. Идеологическая позиция партии строится на следующих постулатах:

1) национальная идентичность, определяемая приматом немецкой культуры;

2) христианско-культурная идентичность, в свою очередь обусловленная феноменолого-герменевтической философской традицией.

Идея национальной идентичности, взятая АдГ в качестве лейтмотива, построена на рефлексии активиста национал-демократической партии Хеннига Айхберга – автора вышедшей в 1978 г. книги «Национальная идентичность» (Eichberg 1978), создателя немецкой концепции новых правых, которая была сформулирована им в качестве ответа на события мая 1968 г. Данной книгой продвигается новый дискурс, который можно охарактеризовать как национал-идентитаристский и вкратце сформулировать следующим образом: «Кто не хочет говорить о народах, должен молчать». Данный дискурс отчасти вписывается в постмодернистическую парадигму, сформулированную французскими философами Ж. Лиотаром и Ж. Деррида.

Вторым опорным моментом является утверждение о христианско-культурной идентичности. АдГ выступает против учета гендерной проблематики, отказываясь признавать множественность форм гендера и поддерживая традиционную семью. Тяготеющие к левому популизму партии «Зеленых» и «Левых», напротив, являются скорее сторонниками идеологии ЛГБТ-сообществ. Критики «Альтернативы для Германии» утверждают, что тем самым в концепции АдГ существует «идеология естественного порядка социального неравенства» (см., например: Hausler *et al.* 2016: 29).

Выдвигая в качестве ценности христианскую идентичность немцев, связанную с феноменолого-герменевтической позицией «очевидности», АдГ фактически стала новой христианской партией. Однако, как отмечает В. Г. Барановский, «электоратом АдГ являются в основном нерелигиозные молодые мужчины со средним образованием» (Барановский, Кобринская 2017: 15). Данный парадокс можно объяснить тем, что АдГ обладает амбивалентной идеологией, уходящей своими корнями в политические построения 1980-х гг.,

в которых было место как католичеству, так и мифу о разделенной немецкой нации.

Важнейшим фактором, обеспечившим голоса избирателей, является реализм партии в вопросах о проблемах миграции и интеграции мигрантов, их культурной идентичности. Именно данным обстоятельством обусловлен тот факт, что с началом в 2015 г. европейского миграционного кризиса АдГ стала меняться, трансформируясь в сторону антииммигрантского евроскептицизма. Ослабление «антиеврозоновского» крыла партии нашло отражение в том, что идея отказа от единой европейской валюты стала постепенно отходить на второй план, уступая место лозунгам борьбы с массовой нелегальной иммиграцией. Раскол между антииммигрантским и «антиеврозоновским» крыльями АдГ наметился по вопросу сотрудничества с правопопулистским движением ПЕГИДА. Победа антииммигрантской фракции нашла отражение в приходе к власти в партии нового лидера – Фрауке Петри, сменившей покинувшего свой пост Бернда Лукке. Однако общей почвой для обоих крыльев евроскептицизма-популизма в АдГ является суверенизм как принцип ресуверенизации национального государства в различных сферах жизни общества: для антииммигрантских евроскептиков приоритетом является восстановление национального суверенитета в сфере миграционной политики, тогда как для «антиеврозоновских» – в валютно-финансовой сфере. Обе фракции так или иначе привержены сформулированному газетой *Zeit* внешнеполитическому суверенистскому кредо «Больше Пруссии, меньше Америки», призывая, в частности, вывести все иностранные войска и военные базы с территории ФРГ (Полянский 2016: 156).

На левом и левопопулистском фланге немецкой политической сцены стали укрепляться три популистские партии: «Зеленые», «Die Linke» и Пиратская партия. «Зеленые» и Пиратская партия возникли из маоистско-анархистских социалистических идейно-политических течений, связанных с событиями 1968 г. «Зеленые» провозгласили себя партией сторонников энвайронментализма, включающего в себя отказ от атомной и угольной энергетики в пользу возобновляемых источников энергии. Также в ходе эволюции партийной дискуссии в политическую программу партии были включены и леволиберальные идеи интеграции меньшинств

(религиозных, национальных, гендерных) путем всестороннего развития данных сообществ. Кроме того, в повестку партии входят тезисы о легализации легких наркотиков, тем самым «Зеленые» стремятся укреплять свое влияние в университетских центрах Германии.

Пиратская партия пошла тем же путем, что и «Зеленые», но добавив в свою популистскую повестку отказ от авторских прав в цифровом мире. «Die Linke» стоят в этом плане особняком, так как генезис данной партии связан с распадом СЕПГ; стремясь переманить избирателя левых взглядов, они фактически скопировали программу «Зеленых», но тем самым показали свою несамостоятельность в политических вопросах. «Зеленые» предлагают более радикальную повестку, которая позволяет им завоевывать голоса избирателей СДПГ, приводя последнюю в состояние кризиса. Нехаризматичные личности, руководящие партией, не могут привлечь к себе внимание, учитывая то, что повестка СДПГ уже устарела. По итогам выборов в Европарламент весной 2019 г. обозначилась тенденция массового исхода избирателя СДПГ в лагерь «Зеленых». В результате этих выборов на первые позиции в самой СДПГ стали выдвигаться евроскептики, такие как Тило Саррацин – автор нашумевшей книги «Германия. Самоликвидация».

В кризисе пребывает и ХДС; это проявилось прежде всего в неудачной попытке выдвинуть преемника Ангелы Меркель. На настоящий момент можно сформулировать гипотезу о том, что харизматические лидеры в ядре ХДС не смогут сформироваться до следующего электорального цикла. Тем самым ХДС постепенно уступает инициативу в формировании политической повестки дня АдГ, что и показали выборы в Европарламент в 2019 г., когда АдГ смогла улучшить свое положение в Европарламенте на четыре места, фактически за счет коалиции ХДС/ХСС (минус шесть мест) (Europawahl 2019).

Таким образом, можно констатировать, что в Германии, как и в Италии, наметился кризис классических «старых» партий. Разница заключается в том, что итальянское общество уже представляет собой «страну победившего популизма», тогда как в немецком обществе все еще идет напряженная борьба старых и новых политических сил, которым еще удастся сохранить состояние неустойчивого политического равновесия. Подъем нового национализма среди европейских национальных сообществ ставит вопрос о вос-

становлении национально-государственных суверенитетов. Этот тренд вряд ли стал бы возможен без начавшегося в 2015 г. миграционного кризиса. Известный немецкий философ Юрген Хабермас объясняет данный фактор трансформации национальных государств культурно-историческими особенностями европейской цивилизации: «В отличие от Америки, европейские нации относительно гомогенны. В их истории почти не встретить преданий о принятии чужаков или ассимиляции мигрантов. Поэтому пришествие в Европу множества людей иного цвета кожи, иных традиций, иной веры вызывает серьезные опасения, тем паче, что происходит оно на фоне распада европейских государств» (Хабермас 2002: 374).

Вопрос суверенитета как краеугольный камень европейской политики

Стремление пришедших в Италии к власти популистов-евроскептиков из «Лиги» и Д53 обеспечить суверенную безопасность национального государства в миграционной, бюджетной и других сферах нередко обозначается с помощью понятия «суверенизм» (итал. *Sovranismo*). В упоминавшейся статье Жака Сапира отмечается, что «уже более трех лет мы переживаем “*momento de sovranismo*”^{*}. Это ненавистное еще вчера слово сегодня на устах у всех, включая тех, кто, как президент Эммануэль Макрон, не понимают, какой смысл оно в себе заключает. Этот “момент суверенизма” является частью большого возвращения наций вследствие неспособности Соединенных Штатов построить устойчивую гегемонию» (Сапир 2019: 64). Именно суверенизм и представляет собой общую платформу, объединяющую разного рода европейских популистов и евроскептиков.

Жак Сапир указывает на застарелость конфликта между суверенитетом наций-государств и логикой наднационального управления ЕС. Им подчеркивается разрушительный характер действий Евросоюза по отношению к национально-государственному суверенитету как источнику гарантий демократии и свободы: «Если наши решения, решения граждан будут с самого начала ограничены высшей властью, для чего вообще нужны общее дело и общие интересы?»

^{*} Данное выражение переводится как «момент суверенизма» и ведет свое происхождение из французского языка, где звучит как «*momento souverainiste*».

И если у граждан нет необходимости иметь общее дело, объединяться вокруг того, что является *Res publica* (букв. – *Общее дело*, символ республиканизма) – понятие, столь близкое сердцу древних римлян, что сможет воспрепятствовать подъему коммунитаризма и аномии, которые разрушат наше общество?» (Сапир 2019: 61).

Ссылаясь на формулу немецкого юриста и политического философа Карла Шмитта, согласно которой «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (Шмитт 2016: 8), Жак Сапир определяет суверенитет как обладание способностью решать. Он подчеркивает связь концепта суверенитета с понятием народа как политической общности – совокупности граждан, наполняющих собой политические институты, и, следовательно, с понятием нации, поскольку народ и нация, с точки зрения французского исследователя, неразрывно связаны друг с другом. Следовательно, невозможно говорить о европейском суверенитете, поскольку у суверенной Европы нет соответствующего субъекта в виде европейского народа и европейской нации: «Президент Эммануэль Макрон... настойчиво продолжает говорить о “европейском суверенитете”. Но где же этот европейский народ? Где общая политическая культура, плод аккумуляции столетней борьбы, компромиссов, институтов? Мы должны помнить, что суверенитет включает в себе понятие “народ”, но не существует европейского народа, как было установлено Конституционным судом в Карлсруэ. Решение суда от 30 июня 2009 г. со всей определенностью постановляет, что при наличии пределов демократического процесса в Европе только государства-нации являются хранителями демократической легитимности» (Сапир 2019: 63). Иными словами, прежде чем говорить о наднациональном суверенитете Европы, нужно поставить вопрос о буквальном создании новой исторической общности – европейского народа.

Литература

Барановский, В. Г., Кобринская, И. Я. (ред.) 2017. *Реструктуризация политического ландшафта европейских государств*. М.: ИМЭМО РАН. 69 с.

Костюк, Р. 2012. Италия в кризисе. Европа в заложниках. URL: <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/01/12/12451.html> (дата обращения: 01.06.2019).

Любин, В. П. 2006. Левые партии Италии: споры о прошлом и будущем. *Актуальные проблемы Европы* 3: 80–91.

Маслова, Е. А. 2017. Конституционная реформа Маттео Ренци: сущность и возможные последствия. *Право и управление. XXI век* 2: 61–66. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-2-43-61-66>.

Михайловский, А. В. 2018. Наше время Эрнст Юнгер называет «междущарствием» (интервью Александру Чанцеву). *Перемены. Толстый web-журнал* 22 мая. URL: <https://www.peremeny.ru/blog/22167> (дата обращения: 1.08.2019).

Нестеров, А. Г., Джаяни, М. С. 2016. Движение пяти звезд как феномен «протестной партии» в Италии XXI века. *Научный диалог* 11(59): 290–303.

Платонов, О. А. (отв. ред.) 2008. *Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917*. М.: Ин-т русской цивилизации. 640 с.

Полянский, М. А. 2016. «Альтернатива для Германии»: кандидат в народные партии ФРГ. В: Дмитриева, С. И. (отв. ред.), *Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений*: сб. ст. Вып. 7. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 135–145.

Сапир, Ж. 2019. Дебаты по итальянскому бюджету и вопрос суверенитета. *Современная Европа* 1: 60–69.

Степанов, Г. В. 2017. «Альтернатива для Германии» – альтернатива для разочаровавшихся избирателей? В: Петелин, Б. В. (отв. ред.), *Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: история и современность (материалы Международного научного семинара, г. Череповец, 11–12 октября 2016 г.)*. Череповец: Изд-во Череповецкого гос. ун-та. С. 229–235.

Тимошенкова, Е. П.

2009. Большая коалиция в Германии. *Современная Европа* 1: 41–54.

2015. Партийная система Германии в эпоху перемен. В: Белов, В. Б. (ред.), *Современная Германия. Экономика и политика*. М.: Весь мир. С. 454–493.

Филина, Н. В. 2016. Партия «Альтернатива для Германии» как феномен партийной системы ФРГ. *Электронный научный журнал* 8(11): 148–151.

Хабермас, Ю. 2002. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. В: Андерсон, Б., Бауэр, О., Хрох, М. и др. *Нации и национализм*. М.: Праксис. С. 364–380.

Холодковский, К. Г. 2017. Провал конституционной реформы в Италии. *Мировая экономика и международные отношения* 6(61): 41–47. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-41-47>.

Шибкова, М. О.

2016. Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза. *Сравнительная политика* 4(7): 13–24. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-13-24](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-13-24).

2018. *Фактор евроскептицизма в международной деятельности итальянских политических партий*: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО. 243 с.

Шмитт, К. 2016. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. В: Шмитт, К., *Понятие политического*. СПб.: Наука. С. 5–59.

Albertazzi, D., Giovannini, A., Seddone, A. 2018. ‘No Regionalism Please, We are Leghisti!’ The Transformation of the Italian Lega Nord under the Leadership of Matteo Salvini. *Regional and Federal Studies* 5(28): 645–671. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2018.1512977>.

Eichberg, H. 1978. *Nationale Identität. Entfremdung und nationale Frage in der Industriegesellschaft*. München: Langen-Müller. 195 ss.

Europawahl 2019. Der Bundeswahlleiter. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/2019/ergebnisse/bund-99.html> (дата обращения: 01.08.2019).

Junger, E. 1945. *Der Friede. Ein Wort an die Jugend Europas und an die Jugend der Welt*. Ohne Verlag und Ort. 54 ss.

Hausler, A., Rosler, R., Scholten, L. 2016. *Programmatik, Themensetzung und politische Praxis der Partei “Alternative für Deutschland” (AfD)*. E-paper. 226 ss. URL: https://www.petrakellystiftung.de/fileadmin/user_upload/newsartikel/PDF_Dokus/haeusler_roeser_scholten_afd_2016-08.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

Lucarelli, S. 2015. Italy and the EU: From True Love to Disenchantment? *Journal of Common Market Studies* 1(53): 40–60. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12274>.

Pasquino, G., Valbruzzi, M. 2017. Italy Says No: the 2016 Constitutional Referendum and its Consequences. *Journal of Modern Italian Studies* 22(2): 145–162. DOI: <https://doi.org/10.1080/1354571X.2017.1286096>.

Salgado, S., Stavrakakis, Y. 2019. Introduction: Populist Discourses and Political Communication in Southern Europe. *European Political Science* 1(18): 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41304-017-0139-2>.